

УДК 821(71)

**ПОВЕСТЬ «ПОВОРОТ ВИНТА»
В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА Г. ДЖЕЙМСА****А. А. ЗИМНИЦКАЯ***(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н. В. НЕСТЕР)*

Рассматривается повесть американского писателя Г. Джеймса (Henry James, 1843–1916) «Поворот винта» (The Turn of the Screw, 1898). Анализируется повесть Г. Джеймса «Поворот винта» в контексте творчества писателя.

Сущность художественного приема «точки зрения», который используется Г. Джеймсом во многих его произведениях, особенно поздних, заключается в том, что описываемая в тексте ситуация представлена глазами нескольких участников или свидетелей события. В силу различных причин (незнание полной ситуации, ограниченность опыта, детский возраст и пр.) эти персонажи могут воспринять лишь фрагмент действительности и соответственно его интерпретировать. Воссоздание полной картины из фрагментов, как мозаики, возлагается Г. Джеймсом на читателя. Такую «интерактивность» произведений поначалу многие критики и читатели восприняли с осторожностью, и получаемый в результате «эффект неопределенности» скорее рассматривался как недостаток художественного метода, нежели его преимущество.

Основным художественным методом Г. Джеймса М.Б. Раренко называет реализм, хотя и отличающийся повышенным интересом к психологии личности и проблемам сознания [5, с. 55]. Многие критики XX в. усматривают в реалистической манере писателя истоки модернизма: «<...> в сознание читающей публики недавно завершившегося XX в. Генри Джеймс вошел прежде всего как предтеча и основоположник модернизма» [3, с. 442].

На мировоззрение и творческий метод Г. Джеймса во многом повлияла философия прагматизма, получившая широкое распространение на рубеже XIX–XX вв. в основу которой легла плюралистическая концепция У. Джеймса, построенная на допущении, что познание может осуществляться, исходя из весьма ограниченных, неполных и неадекватных «точек зрения», откуда следует утверждение о принципиальной непознаваемости абсолютной истины. У. Джеймс утверждал, что содержание знания полностью обусловлено установкой сознания, а содержание истины в таком случае зависит от целей познающего и его личного опыта.

В произведениях Г. Джеймс акцентирует внимание на мотивах человеческих поступков, отмечая сложность и неоднозначность поведения человека, неповторимость каждого личностного взгляда на мир. Он рано осознал, какие широкие перспективы открываются при отказе от авторской точки зрения, как единственно правильной. Писатель констатировал существование множественности истин, неустанно создавал субъективные образы реальности, видел главное зло в предвзятости и ограниченности культурного кругозора, невосприимчивости к другим культурным ценностям и точкам зрения. Чтобы сделать субъективный опыт общеинтересным, передать читателю многослойность и безграничность субъективности, по мнению Г. Джеймса, художник должен выйти за личностно-индивидуальные пределы, преступить свое «Я». Как утверждает О.Ю. Анцыферова, в поздних произведениях Г. Джеймса (к ним относятся и повесть «Поворот винта») выделить точку зрения персонажа невозможно, поскольку «на его видение накладываются чужие представления и мнения, реально пережитое соседствует с воображаемым, разные стадии жизни сознания представлены синхронно, позиции повествователя и персонажа становятся взаимопроницаемыми». В этой связи главным открытием Джеймса исследователь называет не «точку зрения» или «центральное сознание», как это делают другие ученые, а «диффузность сознаний» [1, с. 44].

В предисловии к роману «Женский портрет» (*The Portrait of a Lady*, 1881) Г. Джеймс говорит об отображении действительности в искусстве, как о доме со многими окнами: «В доме литературы не одно окно, а тысячи и тысячи <...>, и каждое из них было или будет проделано в силу потребностей индивидуальной точки зрения и силой индивидуальной воли. <...> У этих окон есть своя особенность: за каждым из них стоит человек <...>. Он и его соседи смотрят все тот же спектакль, но один видит больше, а другой меньше, один видит черное, а другой белое...» [5, с. 57].

В рассказе Г. Джеймса «Узор на ковре» (*The Figure in the Carpet*, 1896) ставится вопрос о творчестве. Предметом диалога между писателем Верекером и газетным репортером становится литературное произведение. Для Верекера художественное произведение уподобляется своеобразному узору на ковре, который можно рассматривать с разных точек: как узор на ковре, так и художественное произведение допускает множество толкований, и ни одно из них нельзя считать более правильным, чем другое. Верекер уверен, что тайна авторского «я», его метод никогда не будут разгаданы, и благодаря множеству

возможных истолкований его произведение ждет долгая жизнь, поскольку каждый читатель будет по-новому прочитывать текст, предпочитая такое его понимание, которое для него будет приемлемым.

Узнать (разгадать) принципы, которым следует автор в процессе творчества, не значит найти единственно верное значение «узора», а, напротив, уничтожить его, разрушить. Ценность произведения заключается, по Г. Джеймсу, в его принципиальной многозначности, а неопределенность изначально рассматривается и декларируется как способ и, по сути, единственное условие существования произведения как такового.

Текст Г. Джеймса построен таким образом, что допускает несколько разных интерпретаций благодаря тому, что оказывается «перегружен» смыслами. Прочитать текст по-своему, расставить свои акценты, именно в этом заключается особая роль джеймсовского читателя как интерпретатора событий, чье художественное воображение стимулируется так называемыми «участками неопределенности» в тексте произведения.

Вовлечение читателя в интерпретацию текста является для Г. Джеймса принципом, позволяющим организовать материал особым образом: недосказанность, умалчивание, предоставление нескольких точек зрения на происходящее последовательно вынуждают читателя вступить в «общение» с текстом. Художественный текст при таком понимании обретает действительное существование лишь в сознании читателя.

В 1890-х гг. возникают «таинственные повести» и рассказы Г. Джеймса, в которых оживает дух романтических традиций Э. По и, в особенности Н. Готорна: «Мод Эвелин» (*Maud-Evelyn*, 1900), «Алтарь смерти» (*The Altar of the Dead*, 1895), «Поворот винта» и другие. По поводу «таинственных произведений Г. Джеймса, А.А. Елистратова отмечает: «эти произведения принадлежат писателю-реалисту, для которого на первом месте – разгадка рассматриваемого им психологического казуса. Чаще всего Джеймс предлагает своим читателям многозначное решение вопроса: не принимать буквально рассказанные им загадочные происшествия, а поискать рационального объяснения тайны. Сам интерес к таинственному и необычайному в душевной жизни людей составлял одну из органических черт психологизма Джеймса. «Ужасы», о которых он рассказывает, это в большинстве случаев, <...> своеобразные проекции' вовне конфликтов и противоречий, скрытых в глубине человеческого сознания» [2].

Повесть «Поворот винта» была написана Г. Джеймсом в 1898 г. и стала результатом поиска новых жанровых методов, открывая «экспериментальный» период творчества писателя.

В основе сюжета лежит история гувернантки, нанятой для воспитания и образования семилетней Флоры и десятилетнего Майлза их дядей, лондонским денди, на попечении которого дети остались после смерти родителей. По прибытии в имение Блай, дети кажутся девушке настоящими ангелами, но лишь до определенного момента. Однажды она начинает видеть призраков ее предшественницы мисс Джессел и лакея Питера Квинта. Гувернантка твердо верит в то, что в образе призраков они вернулись, чтобы окончательно развратить умы детей и забрать их с собой в загробный мир. Девушка всем сердцем хочет помочь детям освободиться от пагубного влияния восставших мертвецов. Однако ее «помощь» заканчивается внезапной болезнью Флоры и такой же внезапной смертью Майлза.

Повесть «Поворот винта» до сих пор вызывает интерес критиков и читателей, которые продолжают ломать головы по поводу того, что же на самом деле произошло: то ли видения гувернантки призраков имели место в действительности, то ли это результат ее нервного расстройства, болезненного воображения.

Двойственность и неопределенность в повести «Поворот винта» создается за счет экспериментирования писателя с различными повествовательными приемами (недосказанность, намеки, игра «точек зрения»), в том числе, приемом «ненадежного рассказчика». В обширном литературном наследии Г. Джеймса «таинственная» повесть «Поворот винта» является единственным примером использования им «ненадежного рассказчика». В отличие от предшественников, Г. Джеймс использовал прием «ненадежного рассказчика» с целью изображения только психологических аспектов ненадежности, что особенно характерно для творческого метода писателя. В «Повороте винта» Г. Джеймс новаторски подходит к реализации приема «ненадежного рассказчика», показывая его ненадежность через «ужасы», скрытые в глубоко в сознании человека. Изображая таинственные и мистических события, писатель подвергает испытанию воображение и проницательность читательской аудитории, побуждая его к разгадке психологических коллизий.

Г. Джеймс – писатель сквозных тем, развиваемых им на протяжении всего творчества. Критиками уже давно установлен список магистральных джеймсовских тем. Во-первых, это «интернациональная» тема, вопрос о сложных взаимоотношениях культурных миров Англии (Европы) и Америки. Во-вторых, это тема художника, обреченного на вечный конфликт с обществом, враждебным искусству. В-третьих, это тему нравственных исканий человека, ищущего свое место в обществе [56, с. 67].

По крайней мере, на первый взгляд «таинственная» повесть «Поворот винта» Г. Джеймса «выбирается» из общей тематической направленности творчества писателя. Можно сказать, что повесть зани-

мает как бы маргинальное положение в контексте джеймсовского творчества. Некоторые черты проблематики, однако, могут указать на первую из перечисленных тем – интернациональную. В произведениях этой темы важное место занимает критическое изображение как европейского, так и американского снобизма, мещанской подозрительности к жизни в ее пышном цветении. Именно в этом плане реализуется интернациональная тема в самом известном произведении Г. Джеймса – в повести «Дэзи Миллер» (*Daisy Miller*, 1879).

Повествование в обоих произведениях ведется в перспективе недостоверного свидетеля, показания которого следует воспринимать с точностью до наоборот. Невинная Дэзи, склонная к рискованным приключениям, может быть в некоторой степени соотнесена с Майлсом; в «Дэзи Миллер» детей тоже двое, ведь Дэзи путешествует с маленьким братом. В таком случае можно увидеть в безымянной гувернантке вариацию образа мистера Уинтерборна, воплощение той же самой викторианской цивилизации, возмущенной столкновением с «неправильными» и «чрезмерными» проявлениями реальности. Как и Уинтерборн в «Дэзи Миллер», гувернантка подозревает тайные пороки в своих подопечных, вся вина которых – их исключительная красота. Она воспитана в обстановке честной бедности и не может не возмущаться внутренне, сталкиваясь с подобной расточительностью (что не мешает ей самой наслаждаться роскошью). В самом деле, ведь даже сама по себе социальная роль гувернантки предполагает что-то такое викториански-правильное, размеренное, упорядоченное. В соответствии с этой ролью скромная и благочестивая девушка пытается удержать бедных крошек от падения в пропасть порока, уберечь их, хотя бы ценой жизни Майлса [4].

Повесть «Поворот винта» основана на классической сюжетной ситуации «постороннего». В мир сложившихся, устоявшихся культурных норм вторгается «чужой», производящий в нем провоцирующее и разрушительное действие. Но дело в том, что «чужой» в «Повороте винта» является, безусловно, гувернантка: в типологическом отношении ее положение тождественно положению Дэзи Миллер. Она – безумная фантазерка и никак не уместится в облике добродетельной наставницы. Между тем Майлс и его сестра – обыкновенные юные аристократы, которые хотят быть с такими, как они, и с недоумением и страхом глядят на свою странную гувернантку, хотя, как и подобает леди и джентльмену, попавшим в дурацкое положение, пытаются вести себя так, как будто ничего не происходит.

А она – плохо воспитана и малообразованна (этот мотив несколько раз подчеркнут в повести). Пока же, в поместье Блай, она оказалась в чужом мире и в чужой культуре. Но в чужую эту культуру она влюблена до безумия, до желания ее разрушить или разрушить самое себя.

В личности героини «Поворота винта» распад приобрел гораздо более болезненные формы, чем у Дэзи Миллер. Когда в ее общении с детьми возникают пустоты, она заполняет их воображаемыми фигурами. Она, ревнивая, воображает своих соперников, которые могут дать детям то, чего она им дать не может. Проблема в том, что этих соперников, к сожалению, нет. Место остается вакантным. Никто детям ничего не нашептывает. Проявляя незаурядный вкус, она сама населяет тихий викторианский мирок призраками, более подходящими к обстановке старого величественного замка. Это всецело ее собственное порождение: реальность не дает ей никакого повода. Не в том дело, что она что-то деформирует или превеличивает в той картине, которую воспринимают ее органы чувств. Ничего, что можно было бы превеличить или исказить, просто нет. Питер Квинт и мисс Джессел не преображенная реальность, а проекция ее самой.

Полемика между сторонниками «психологической» и «мистической» интерпретаций повести началась только в 20-х гг. XX в., не без влияния психоанализа, однако невозможность однозначного выбора между двумя прочтениями с очевидностью вписана в саму структуру повести. Вместе с тем, джеймсовская готика (и в «Повороте винта», и в ряде других его рассказах о привидениях) обязана своим специфическим характером не только литературно-журнальной традиции, но и близкому знакомству автора с деятельностью Парапсихологического общества, членом, вице-президентом и президентом которого был его брат Уильям с 1884 по 1896 гг.

Общество, в духе тогдашнего увлечения спиритизмом, интересовалось различными свидетельствами контакта с потусторонним миром; в его рамках сосуществовали две крайние точки зрения, объясняющие паранормальные явления, с одной стороны, сверхъестественными, с другой стороны – психологическими (галлюциаторными, телепатическими) причинами.

Г. Джеймс, посещавший заседания Общества, знакомый с его журналом и протоколами, без сомнения «вчитывает» почерпнутое им знание в «Поворот винта», несмотря на то что сам он впоследствии категорически отрицал подобную преемственность. Во-первых, он вполне осознанно вводит фигуру медиума: гувернантка говорит о «доступе», который «открыт» ей и детям, а экономке миссис Гроуз – закрыт. Во-вторых, призраки и в отчетах информантов, и в повести мало отличаются от обычных людей; подчеркнутая обыденность привидений была безусловным новшеством в готических историях рубежа веков. Например, гувернантка впервые встречает призрак Питера Квинта не в полночь, но в предвечерних сумерках, когда «день медлил и в румянном небе последние зовы последних птичек звучали со старых

деревьев»¹³⁶. Героиня даже принимает незнакомца за сумасшедшего родственника, заточенного в башне, и представляет его внешний облик в мельчайших, поражающих своим правдоподобием подробностях: ярко-рыжие, мелко вьющиеся волосы, бледное длинное лицо, непривычной формы бакены, маленькие глаза, тонкие губы.

В отличие от членов Парапсихологического общества, Г. Джеймса мало интересует сам факт явления потусторонних существ; основная цель повести – передать с их помощью атмосферу зла. И хотя его призраки ведут себя, как и положено призракам (являются на расстоянии, наблюдают и выжидают, не вступают в разговор и т.д.), их миссия делает их существами иного порядка. Гувернантка убеждена, что Питер Квинт и мисс Джессел стремятся завладеть детьми, причинить им непоправимый вред. Идея зла, понимаемая, правда, крайне абстрактно (какой вред призраки хотят причинить детям? как именно они их портят?), связывает «Поворот винта» с книгой «О природе зла» Генри Джеймса-старшего и – опосредованно – с учением Эммануэля Сведенборга о духах.

Споря с ортодоксальной теологией, отец Джеймса, убежденный сведенборгианец, объясняет зло не грехопадением, а природой, которой человек может следовать или не следовать по собственной воле. Природная невинность человека, в том числе ребенка, признается заблуждением. В повести Джеймса-младшего дети, «прелестные крошки», с легкостью вступают в тайный союз с призраками, представляющий прямую угрозу воспитательной работе героини; гувернантка то и дело говорит об испорченности своих питомцев: например, маленького Майлза исключают из школы потому, что он «портит» других детей.

Таким образом, повесть «Поворот винта» открывает «экспериментальный» период в творчестве Г. Джеймса и является самой известной и неоднозначной «таинственной повестью» писателя. В «Повороте винта», как и в произведениях более позднего Г. Джеймса, двойственность и неопределенность становится необходимым средством изображения художественного мира, способствующим вовлечению читателя в интерпретацию текста, отсюда, два подхода к пониманию смысла повести: «психологический» и «мистический». Кроме того, повесть «Поворот винта» стала одним из выдающихся примеров использования приема «ненадежного рассказчика». Подход писателя к использованию «ненадежного рассказчика» отличается стремлением к воплощению психологических аспектов ненадежности, изображая их через «ужасы», скрытые в глубине человеческого сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцыферова, О.Ю. Творчество Генри Джеймса: проблема литературной саморефлексии: автореф. дис. док. фил. наук: 10.01.03 / О.Ю. Анцыферова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/tvorchestvo-genri-dzheimsa-problema-literaturnoi-samorefleksii>. – Дата доступа: 11.04.2022.
2. Елистратова, А.А. Предисловие / А.А. Елистратова // Джеймс Г. «Повести и рассказы» : пер. с англ. – М. : Худож. лит., 1974. – С. 3–18.
3. Коренева, М.М. Генри Джеймс / М.М. Коренева // История литературы США. Литература последней трети XIX в. 1865–1900 (становление реализма) ; под ред. Я.Н. Засурского, М.М. Кореневой, Е.А. Стеценко. – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – Т. 4. – С. 441–481.
4. Маркин, А.В. Архетипическое содержание сюжета повести Г. Джеймса «Поворот винта» / А.В. Маркин // Текст в культурно-историческом контексте : сб. науч. трудов / Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького ; под ред. О.Г. Сидоровой, А.В. Маркина. – Екатеринбург : Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, 2005. – С. 6–74.
5. Раренко, М.Б. «Поворот винта»: Генри Джеймс как писатель и как критик / М.Б. Раренко // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2020. – №10. – С. 55–59.
6. Стулов, Ю.В. Джеймс, Генри / Ю.В. Стулов // 100 писателей США. – Мн. : Высш. шк., 1998. – С. 68–71.
7. James, H. The Turn of Screw / H. James. – London : Martin Secker, 1915. – 205 p.

¹³⁶ “ liked it best of all when, as the light faded—or rather, I should say, the day lingered and the last calls of the last birds sounded” [7, p. 37].